

вия. Однако они должны регламентироваться соответствующими правовыми нормами различных отраслей права – гражданского, семейного, административного и т. д. К основным мерам, имеющим предупредительное значение и наиболее часто применяемым, относятся следующие:

- принудительное психиатрическое и наркологическое лечение, которое наряду с медицинскими целями преследует цель уберечь лицо от дальнейшей деградации, от совершения преступлений на почве этой пагубной привычки;

- административный надзор за лицами, состоящими на учетах в подразделении по профилактике правонарушений несовершеннолетних, уголовно – исполнительной инспекции, преследующими цель жесткого контроля за склонными к потреблению наркотиков, а также освободившихся из мест лишения свободы, в том числе за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков;

- административный арест и административное задержание лица для предотвращения антиобщественного поведения и защиты иных лиц от противоправных посягательств.

Практика свидетельствует, что основная антинаркотическая профилактическая нагрузка должна ложиться не на правоохранительные органы, а на педагогов и мастеров профессиональных учебных заведений, общественные институты по социальной, наркологической, психологической поддержке и помощи подросткам и молодежи, склонных к потреблению или уже страдающих этой пагубной привычкой.

Д. В. Потепалов

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Проблема социальной помощи детям, лишившимся родительского попечения, не нова для России. Известно, что она обострялась в неблагоприятные периоды существования государства: эпидемии, неурожаи, революции, войны и пр. Это приводило к ослаблению института семьи, падению брачности и как следствие росту числа брошенных детей. В начале XX в. Россия уже сталкивалась с этим социальным недугом. По оценкам специалистов в начале 1920-х гг. в стране было несколько млн беспризор-

ных детей. По утверждению Деткомиссии при ВЦИК РСФСР это явление грозило «если не вымиранием подрастающего поколения, то его физическим и моральным вырождением» [6, с. 4]. В настоящее время в России численность социальных сирот сопоставима с показателями второго десятилетия XX в. и по оценкам специалистов составляет от 1 до 3 млн человек. От решения этой проблемы во многом зависит будущее нашей страны.

До революции государственной системы защиты детей-сирот не существовало. На протяжении нескольких веков беспризорниками занимались различные организации: церковь, органы общественного призрения, земства, волостные и сельские органы крестьянского самоуправления, благотворительные общества. Между ними не было единства в оказании помощи детям, слабой была поддержка и со стороны государства, что являлось основными препятствиями для решения этой проблемы.

Начало созданию государственной системы защиты детей-сирот было положено после февраля 1917 г., с образованием Министерства социальной помощи, в составе которого работало управление помощи беспризорным детям и нуждающимся. В ноябре того же года эти функции стал выполнять Наркомат государственного призрения. 26 января 1918 г. было опубликовано постановление, согласно которому все учреждения призрения несовершеннолетних и малолетних детей переходят в его компетенцию. Непосредственно вопросами призрения занималась особая «Коллегия призрения несовершеннолетних» [7, с. 307–308]. Наркомату государственного призрения была поставлена задача – обеспечить пролетарскую часть населения и беднейшее крестьянство сетью детских домов, колоний, профессиональных школ. Советская власть активно взялась за ликвидацию детской беспризорности, захлестнувшей страну после революции. В апреле 1918 г. в Народном комиссариате государственного призрения был создан отдел охраны детства (отдел детских домов), который занялся учетом и объединением под своим руководством всех детских приютов, благотворительных обществ, а также детских домов, детей-беженцев. Организационная работа была завершена в течение первой половины 1918 г., а сами приюты перестраивались в новые детские дома, в которых дети получали одежду, пищу, медицинскую помощь, воспитание. Обучение детей велось в обычных трудовых школах. Школы при детских домах оставались лишь там, где не было условий для обучения в школах Наркомпроса. В 1918 г. в Москве функционировало 39 учреждений для беспризорных детей. К на-

чалу 1919 г. в 36 губерниях Советской России насчитывалось 1279 учреждений охраны детства, в которых находилось 75574 детей [2, с. 104–105]. Однако учреждений для беспризорников катастрофически не хватало. По разным оценкам на улице оставалось от 2 до 3 млн детей. Это объяснялось разрухой, отсутствием материальных средств, помещений, педагогических кадров и др.

Наряду с решением организационных вопросов по ликвидации детской беспризорности, новая власть уделяла огромное внимание воспитанию и перевоспитанию подрастающего поколения. Основные задачи советской педагогики и новой школы были изложены в Программе Компартии, Положении о единой трудовой школе (16 октября 1918 г.), декларации Наркомпроса, в постановлении Первого партийного совещания (конец декабря 1920 – начало января 1921 гг.) и ряде других документов. «Основой школьной жизни, – говорилось в Положении, – должен служить производительный труд не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только как место преподавания, но именно как производительный общественно необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением. Школа является школьной коммуной, тесно и органически связанной по своим трудовым процессам с окружающей жизнью» [3, с. 104].

После опубликования Положения о единой трудовой школе перед работниками детских домов была поставлена задача: вместо убежищ и приютов создать детские дома нового типа, воспитательная работа в которых была бы поставлена на трудовую основу развития детей. Этот труд организовывался как в учебных мастерских, на учебно-опытном участке, в учебно-опытном хозяйстве, так и вне детских домов – на фабриках, заводах, совхозах и т. п.

С 1918 г. стали создаваться опытно-показательные учреждения (ОПУ), сыгравшие в жизни советской школы заметную роль, оказавшие на теорию и практику воспитания и обучения детей значительное влияние, в том числе и на деятельность учреждений для беспризорников. Были созданы разнообразные учебные заведения школы-коммуны, опытные станции Наркомпроса, детские городки, колонии. Их возглавили педагоги-новаторы: М. М. Пистрак, В. Н. Сорока-Росинский, С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко и др. 1920–30 гг. были временем творчества, поиска, находок и ошибок.

Одним из первых типов трудовой школы стала школа-коммуна, где дети и воспитатели составляли единую трудовую общину, вместе живу-

щую и работающую. Воспитанниками ее были сироты, полусироты и беспризорные дети. Школы-коммуны носили преимущественно характер фермерских поселений или коммун мелких производителей. Важным элементом жизни и воспитательной работы было практически полное самообслуживание [1, с. 9].

Одной из первых таких школ была Знаменская школа-коммуна Яранского уезда Вятской губернии, открытая в октябре 1918 г. на месте женской монастырской второклассной школы. В январе 1919 г. на территории бывшего Знаменского монастыря был организован из детских приютов школьный городок, в его состав входили: детские ясли, детский очаг и детский сад, две школы I ступени и ранее открытая школа-коммуна II ступени. Общее количество интернированных и приходящих детей составляло 300 человек. Трудовая подготовка в школе-коммуне осуществлялась в школьных мастерских и на собственном земельном участке. Были открыты следующие мастерские: столярная, слесарная с кузницей, швейная, чулочная, сапожная. Они выполняли две связанные между собой функции – хозяйственную и учебную. В этих мастерских производился ремонт и изготовление предметов домашнего обихода, орудий сельскохозяйственного труда, экипажей, учебных пособий, игрушек и пр. В распоряжении школьного городка находилось 20 га пахотной и луговой земли, огородные и садовые участки, которые обеспечивали школу-коммуну продовольствием [3, с. 103, 107].

Осенью 1918 г. по поручению Народного комиссариата просвещения была организована школа-коммуна им. П. Н. Лепешинского. Она сочетала в себе различные формы соединения обучения с производством. Школа-коммуна была связана производственными отношениями с Москворецкой ткацко-отделочной фабрикой, вырабатывавшей шерстяные и полушерстяные ткани. На фабрике работали дети, начиная с 14–15-летнего возраста. Они распределялись в цехах по личному желанию и работали четыре раза в неделю по два часа с середины октября и до начала апреля. Школа-коммуна имела сельское отделение. Это давало возможность учащимся принимать участие в сельскохозяйственном труде. Проводилась и работа в мастерских, ей тоже уделялось большое внимание. Уже в 1920 г. было положено начало швейной, переплетной и столярной мастерским. Для младших воспитанников был открыт оборудованный кабинет ручного труда, а позднее, как в городском, так и в сельском отделениях школы были

организованы столярная и слесарные мастерские с механическими станками. Труд в мастерских в течение пяти лет (V – IX классы) давал школьникам хорошую производственную подготовку. Окончившие школу-коммуны нередко поступали рабочими на заводы и фабрики и успешно там трудились. Но особенно дороги были навыки, приобретенные в мастерских для тех, кто поступал в технические учебные заведения.

В 1923 г. коллектив школы-коммуны, которую возглавлял М. М. Питстрак, организовал школу крестьянской молодежи (ШКМ) для детей окончивших V – VII классы общеобразовательной школы. Было принято решение открыть сельское отделение школы-коммуны на базе сельского хозяйства. Местом организации деревенского отделения была избрана деревня Липовка (станция Лианозово Савеловской железной дороги). Исходя из потребностей в учителях и счетных работниках, в школе было выбрано два уклона – счетно-кооперативный и педагогический. Основной контингент обучаемых составляли бывшие беспризорники и дети деревенской бедноты, окончившие начальную школу [5, с. 93–99, 110].

Были организованы и другие школы-коммуны. Так, например, открытая в 1919 г. в 64 км от станции Хотьково Московской области школа-коммуна II станции Наркомпроса РСФСР получила в свое распоряжение помещичий дом со службами, несколько небольших дач, оранжерею, около 5 десятин пахотной земли и огород. Материальная база определяла направление ее работы как сельской школы. Школе удалось за короткий срок переделать старые барские конюшни и каретные сараи под мастерские, оборудовать электрическую станцию, используемую для освещения, как школьных помещений и усадьбы, так и домов соседнего завода.

Большая, интересная и нужная работа велась и другими опытными – показательными учреждениями. Наибольшую известность приобрела Первая опытная станция Наркомпроса, которой долгие годы руководил известный педагог С. Т. Шацкий, Третья Гагаринская опытная станция по народному образованию имени А. П. Чехова, Биостанция юных натуралистов имени К. А. Тимирязева и др. [1, с. 12–14].

В начале 1919 г. С. Т. Шацкий внес в Наркомпрос предложение создать систему опытно-педагогических учреждений – дошкольных, школьных, внешкольных, как в городе, так и в деревне. Наркомпрос поддержал это предложение и в мае утвердил «Положение о первой опытной станции по народному образованию» в составе двух отделений: сельскохозяйст-

венного – в Калужской губернии и городского – в Москве. В Калужское отделение входило 15 школ I ступени, две школы II ступени (школа-колония «Бодрая жизнь»).

С. Т. Шацкий рассматривал задачу исследовательской работы школы-колонии как попытку «выяснить некоторые закономерности в развитии детского общества» и указывал, что с этой точки зрения «развитие жизни колонии представляет и теоретический интерес». Он считал необходимым проводить опытную работу по организации всех сторон детской жизни, которую он понимал как общую жизнь детей и взрослых на основе коллективного физического труда, труда жизненно необходимого, достаточного и понятного детям и достаточно разнообразного. Преподавательский коллектив для решения этой задачи разработал программу-минимум для нескольких старших групп (3–4 ч занятий в день) и работ, связанных с выполнением производственного плана школы-колонии. Последний разрабатывался на основе изучения запросов и нужд района и составлялся в виде перечня различных дел, которые колония обязывалась выполнить. При этом учитывался возраст и теоретическая и практическая подготовка непосредственных исполнителей. В производственный план включались как разовые мероприятия (организация выставки по рациональному кормлению скота, постановка спектаклей), так мероприятия, продолжавшиеся длительное время, такие как, ликвидация неграмотности в деревне, помощь в работе различных кружков детей и подростков в школах I ступени, организация клуба для деревенской молодежи в колонии и др.

Основная задача школы-колонии состояла в том, чтобы включить школьников и подростков района в совместные, интересные дела, связанные с сельским хозяйством, с благоустройством своей деревни, школы или пришкольного участка, с игрой и спортом, с работой художественных и технических кружков, с книгоношеством и т. д. Все эти виды общественно полезной деятельности осуществляемые преподавателями и воспитанниками, были так или иначе связаны с учебной работой. При этом выявлялись способности склонностей и интересов колонистов к определенной деятельности и в определенных областях знаний [8, с. 50–52].

Особую ценность представляет педагогический опыт советского педагога А. С. Макаренко осуществлявшего воспитание детей-правонарушителей в трудовой колонии им. М. Горького (в 1920–28 гг. под Полтавой, с 1926 г. в Куряже Харьковской обл.) и детской коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в Калужской губернии.

жинского (1927–35 гг., в пригороде Харькова). Макаренко осуществил грандиозный социальный эксперимент по созданию новой модели общественного устройства, где организационным ядром стал коллектив колонистов, а главным персонажем – отдельно взятый человек. Был создан совет командиров (правительство колонии), без консультации с которым, Макаренко не принимал ни одного решения. Отбор кандидатов в командиры осуществлял сам совет. Должность командира можно было занимать не больше 6 месяцев. При этом совет командиров и сами командиры не имели никаких привилегий. Существовали сводные производственные отряды. Это были временные трудовые объединения, которые под руководством агронома колонии выполняли всевозможные задания, связанные с сельскохозяйственными работами. Они существовали до окончания выполнения работ (1–2 недели). Руководителем сводного отряда мог быть назначен любой воспитанник, способный руководить. А под руководством у него мог оказаться командир совета отряда.

В основу жизни колоний был положен производительный принцип. Особенно показательным был этот опыт в колонии имени Ф. Э. Дзержинского. В коммуне все было идеальным: роскошный корпус, просторные светлые спальни, новая мебель, цветники. Для жизни и учебы было все необходимое. Сложнее было с трудовым обучением. У Макаренко был замечательный педагогический коллектив и в том числе первоклассный агроном Мере и экономист Коган. Коган изучил слабые места плановой советской экономики и нашел в ней «дыры» для частного предпринимательства. 7 января 1932 г. была выпущена первая партия электродрелей (по австрийской лицензии), 28 декабря – партия первых фотоаппаратов «ФЭД» (по германской лицензии). Коммуна обзавелась собственным хозяйством. Труд воспитанников приносил государству 5 млн р. чистой прибыли, а самой коммуне обеспечивал полную самокупаемость и независимость от бюджета [4, с. 22–24]. Созданная Макаренко система воспитания раскрыла на практике большое значение труда как фактора воспитания, провозглашенного еще К. Д. Ушинским.

Деятельность первых опытных учреждений, созданных в первые годы советской власти имела большое значение для решения проблемы беспризорности в России. Их работа по перевоспитанию бывших беспризорников, основанная на сочетании обучения с производительным трудом, обеспечивала воспитанникам успешное получение профессии в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и других профессиональных заведениях. На

это указывают данные о воспитанниках. Так, из 105 учащихся школы-коммуны «Бодрая жизнь» 12 стали агрономами, 19 – педагогами, 19 – инженерами, 14 – работниками в области искусств, 8 – работниками медицинской сферы, 3 – сотрудниками советского аппарата, 5 – сотрудниками научно-исследовательских институтов, 9 – рабочими и мастерами, 12 – служащими [8, с. 53].

Библиографический список

1. *Алпатова Н. И.* Школа-интернат. М., 1958.
2. *Баева Л. К.* Социальная политика Октябрьской революции. (Октябрь 1917 – конец 1918 гг.). М., 1977.
3. *Кондаков А. И.* Трудовое воспитание в Знаменской школе-коммуне // Советская педагогика. 1957. № 9.
4. *Кумарин В.* Макаренко, какого мы никогда не знали. К 115-летию со дня рождения великого педагога XX века // Социальная педагогика. 2003. № 6.
5. *Микельсон Р. М.* Из опыта трудового воспитания в школе-коммуне Наркомпроса имени П. Н. Лепешинского // Советская педагогика. 1956. № 6.
6. *Сажина Н. С.* Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг. (на материалах Урала.) Автореф. канд. дисс. Екатеринбург. 2003.
7. Собрание Узаконений и Распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1917 г., ст. 321.
8. *Шацкая В. Н.* Школа-колония «Бодрая жизнь» // Советская педагогика. 1965. № 11.

И. В. Рублева

О РЕШЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАЧ В РАМКАХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В условиях быстро меняющейся лингвокультурной ситуации в современной России и очень низкого уровня лингвистической осведомленности носителей языка важнейшей задачей является расширение базы речевой